

УДК 811.111(092.2)

С.В. Сомова (Денисова)**ПОКА Я ПОМНЮ, Я ЖИВУ (В.Ф. ДЕНИСОВ)**

В статью включены воспоминания друзей, коллег, бывших студентов В.Ф. Денисова (1929–1994), заведующего кафедрой английского языка факультета истории РГУ имени С.А. Есенина, доцента, кандидата филологических наук, проработавшего в вузе более 40 лет. В воспоминаниях людей, близко знавших В.Ф. Денисова, он предстает как личность неординарная: ученый, преподаватель, интеллигент, эрудит, любитель поэзии, спортсмен, человек честный, прямой, равнодушный. О В.Ф. Денисове вспоминают его друзья и единомышленники: профессор Дипломатической академии МИД РФ, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ А.Д. Шутов, профессор Рязанского заочного института (филиал) Московского государственного университета культуры и искусств Л.В. Чекурин, коллеги по кафедре К.Т. Киселева, И.И. Нилова, студенты, позднее коллеги, кандидаты филологических наук И.П. Савилова и Г.П. Лошак, преподаватель английского языка О.Я. Ярославцева, бывшая студентка Л.К. Леонова. Отдавая дань уважения людям, которые стояли у истоков становления университета, авторы с благодарностью вспоминают лекции В.Ф. Денисова по теоретической фонетике, занятия по практике английского языка и просто живое общение с другом, педагогом, наставником.

Денисов В.Ф., 100 лет РГУ имени С.А. Есенина, воспоминания, кафедра английского языка факультета истории, преподавание английского языка, теоретическая фонетика.

Идея собрать воспоминания о моем отце, Владимире Федоровиче Денисове, пришла мне давно. Встречая тех людей, с которыми он дружил, работал, кого учил, с кем просто пересекался в жизни, я поняла, что он был дорог не только нам, членам его семьи, но и оставил след в судьбах многих поколений людей, которые были его коллегами, учениками, друзьями. Я благодарна судьбе за то, что мне посчастливилось с этими людьми встретиться, с некоторыми пройти по жизни. Мои друзья и сверстники были его учениками, его друзья стали позднее моими друзьями, его коллеги стали впоследствии моими коллегами, дети его студентов стали моими учениками.

Память избирательна. Некоторые моменты повторяются в воспоминаниях разных людей, подчеркивая правдивость событий и присущих человеку черт характера. Иногда я узнаю то, чего никогда сама не знала и не замечала. Из этой мозаики картин, фрагментов

и зарисовок складывается портрет человека, далеко не великого, но, видимо, нужного и важного для многих, кто его знал. Никогда не стремившийся к наградам, званиям и почестям, будучи далеким от тщеславия и лицемерия, Владимир Федорович Денисов, прослужив в университете более 40 лет, отдав ему большую половину своей жизни, надеюсь, останется и в памяти будущих поколений, благодаря этим воспоминаниям.

Его имя тесно связано с жизнью и историей университета, который он беззаветно любил. После окончания в 1951 году английского отделения факультета иностранных языков тогда Рязанского государственного педагогического института, Владимир Федорович был приглашен на преподавательскую должность. Позднее защитил кандидатскую диссертацию по филологии, заведовал кафедрой английского языка факультета истории. Приближаясь к столетнему юбилею университета, мы обязаны вспомнить имена тех, кто проработал здесь всю жизнь, кто целиком отдавал себя любимому делу, считая это своим долгом и своим призванием.

Благодарю всех за память об отце, за продолжение его профессии, за добрые воспоминания, мудрость, честность, откровение, за желание помнить и ценить.

Честь человека бессмертна

Близкий друг отца, замечательный человек, известный ученый, историк и политолог, директор Центра проблем СНГ Дипломатической академии РФ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, автор большого количества статей, брошюр, учебных пособий и монографий о судьбе России, выпускник филологического факультета нашего вуза Анатолий Дмитриевич Шутлов тепло вспоминает о Владимире Федоровиче, о дружбе, которую они пронесли через всю жизнь. Анатолий Дмитриевич пишет о времени, которое пришлось на последние годы жизни отца, времени, смутном и сложном, анализирует события через призму откровенных и открытых бесед с отцом о судьбе страны. События того времени по прошествии многих лет осмысливаются нами иначе, чем тогда, заставляя задумываться над судьбами людей и народов. Личность — это порождение эпохи, так видит взаимосвязь истории и человеческой судьбы Анатолий Дмитриевич.

Владимир Федорович Денисов — один из тех людей, которые внесены в книгу исторической памяти земли Рязанской. Своими помыслами и делами он способствовал возвышению ее до передового научного и культурного уровня Центра России. Владимир Федорович был человеком разносторонних интересов, удивительно цельным, верным принципам и взглядам, которые считал справедливыми, не противоречащими интересам страны, соответствующими его совести. Ему импонировали слова Великого князя Дмитрия Донского: «Под каким стягом стал в начале сечи, под тем и стой до конца её».

Владимир Фёдорович хорошо разбирался в вопросах внешней политики и нередко предвидел ход международных событий и характер возможных перемен в нашей стране. Опираясь на информацию из разных источников, в том числе получаемую от западных ученых, политологов во время своих поездок за рубеж, в частности в Лондон, он давал адекватные оценки происходящим в нашей стране процессам, различным политическим деятелям. С недоверием относился к Михаилу Горбачёву с его «перестройкой» и копированием западных ценностей, с встраиванием СССР в «общеевропейский дом».

При встречах мы подолгу и обстоятельно дискутировали на эти темы, и прошедшее с тех пор время показало, что Владимир Федорович по целому ряду вопросов оказался прав. Он с недоумением относился к шагам Горбачёва, ведущим фактически к усилению наших потенциальных противников, в том числе к ликвидации ближайшего союзника — Германской Демократической Республики (ГДР), отданной им на поглощение Западной Германии. В 1989 году никто из западноевропейских лидеров не рассматривал объединение Германии в качестве первоочередной задачи, считая этот вопрос делом будущего. Они вообще были противниками слияния двух немецких государств, не желая видеть возрождения опасного колосса в центре Европы.

Однако М.С. Горбачёв делал свое дело: 9 февраля 1990 года он весьма настойчиво убеждал госсекретаря США Дж. Бейкера и канцлера ФРГ Г. Коля о необходимости объединить Германию в ближайшее время, безо всяких предварительных условий и без каких-либо компенсаций. Он даже отверг выдвинутое западными лидерами предложение об одновременном роспуске блока НАТО и Варшавского договора. А в мае того же года на переговорах в Вашингтоне М.С. Горбачёв в доказательство своей верной службы Западу выдвинул инициативу о расширении НАТО и вхождении в нее объединенной Германии, заявив, что Германия «сама должна решить вопрос о вхождении в НАТО». Насильственной сдачей ГДР Горбачёв укрепил прежде всего Западную Германию, превратив ее в мировую державу, главную европейскую страну, негласный Четвертый рейх, а сам приобрел официальный статус «лучшего немца».

Владимир Федорович не мог без сердечной боли воспринимать развал социалистического содружества, называл подобные шаги преступными действиями, которые могут неизбежно привести к разрушению СССР, тем более что в этом были заинтересованы Соединенные Штаты Америки: в 1987 году произошел обвал фондового рынка в Нью-Йорке, Р. Рейган привел экономику США в состояние необратимого кризиса и только развал СССР и социалистического лагеря мог спасти США. В Горбачёве они видели гаранта реализации своего плана, и Горбачёв старался. Подготовленному им проекту развала державы он попытался придать научное обоснование, используя для этого ученых с мировым именем, в частности нобелевского лауреата Василия Леонтьева, посетившего СССР в 1988 году. Горбачёв добивался, чтобы ученый подтвердил тезис о необходимости реформы советской системы. Но Леонтьев дал совсем иную оценку, отметив, что некоторые системные проблемы в СССР есть, но нет ни одной проблемы, которая требовала бы смены системы.

Глубокие системные проблемы проявились в США — и спасение Америки заключалось в изъятии активов, капиталов из СССР и стран социалистического содружества, но для этого надо было разрушить их и подчинить своему влиянию. И Владимир Федорович как в воду глядел: 8 декабря 1991 года был совершен Беловежский заговор, закулисным инициатором которого был все тот же Горбачёв. Именно поэтому он не дал команды белорусским чекистам арестовать заговорщиков — Б.Н. Ельцина, Л.М. Кравчука и С.С. Шушкевича, несмотря на то, что председатель Белорусского КГБ генерал Э.И. Ширковский известил Горбачёва о совершающемся преступлении и ждал его команды на арест преступников, но Горбачёв «спрятался», даже перестал выходить на связь и, очевидно, досадовал, что генерал мешает ему скрыть причастность к заговору по развалу Советского Союза. Однако это не помешало ему впоследствии всю вину переложить на других, в частности на депутатов Верховного Совета, которые, мол, вопреки ему ратифицировали Беловежское соглашение.

Наши беседы с Владимиром Федоровичем напоминали круглые столы с острыми вопросами, и его суждения по сей день не утратили своей актуальности. Свои доводы Владимир Федорович строил на основе простых, но убедительных фактов из жизни страны и народа и придерживался одной точки зрения: в распаде СССР не было неизбежности, а была враждебная воля Запада и его подручных из «пятой колонны». В частности, отмечал он, в демократическом обществе с многопартийной системой не могло быть таких явных разрушителей страны, как Горбачёв и Ельцин, — их никто не допустил бы к власти; преступников за совершенные действия против собственного государства, даже в меньших масштабах, ожидала бы одна участь — электрический стул или пожизненное заключение.

Ныне, видя, что творится в нашей стране и в мире, слыша усиливающиеся барабаны войны, народ понимает, что многое из этого можно квалифицировать как дело рук Горбачёва, одного из главных участников по разрушению Советской страны, которая была гарантом мира и безопасности, сдерживающей силой против мирового зла во главе с Соединенными Штатами Америки. И закономерно, что в апреле 2014 года ряд депутатов Госдумы выступили с инициативой возбудить уголовное дело против Горбачёва за развал СССР. Разумеется, следовало бы прислушаться к голосу общественности — пока не поздно — судить государственного преступника. Это должно послужить историческим уроком, свидетельством торжества Закона и принципа неотвратимости наказания за совершенное тяжкое преступление против своего Отечества, назиданием для современной и будущей власти — не радеть за преступников, наносящих ущерб государству, а поступать строго по закону.

Как многие чистые душой русские люди, Владимир Федорович любил природу, относился к ней как к живому существу. Его любимым увлечением была рыбалка с заповедными для этого занятия местами. Таким притягательным уголком была прежде всего старица Оки в Солотче — рязанский Сочи, как он часто называл это место. Его постоянно тянуло туда, в это тихое царство природы, и ездил он туда почти всегда один, словно хотел без третьего лишнего побыть

наедине со своей возлюбленной. И любовь эта была взаимной: природа передала ему свои лучшие качества. Раздолье и бескрайность рязанских просторов сформировали широту натуры Владимира Федоровича, щедро одарили его добротой и отзывчивостью. Солнечность солотчинских сосен, вся малая рязанская родина привили ему радость мировосприятия, любовь к жизни и всему живому на Земле.

От земли русской, а также в наследство от дедовских и отцовских корней сохранилась в его душе глубокая верность правде, справедливости, чести. У офицеров царской армии был неизменный кодекс чести и выражался он словами: «Душу — Богу, жизнь — государю, сердце — даме, честь — никому». Владимир Федорович хотя был гражданским человеком, ученым-языковедом, однако с пониманием относился к этой нравственной стратегии. Его сердце принадлежало замечательной женщине, его жене Антонине, а честь он не отдавал никому. Человек смертен. Честь человека бессмертна. Нет ничего долговечнее чести. Память о Владимире Федоровиче не тускнеет, живёт его Честь и служит примером для нас.

Его особенно возмущали нечестность и несправедливость, где бы и в каком виде они ни проявлялись: в большом или малом, в частном или общественном, в Рязани или Москве. Не мог он оставаться равнодушным к чубайсовской «прихватизации» народной собственности, ельцинско-гайдаровским уродливым «реформам» по разрушению экономики и разграблению страны, бросивших в нищету и лишения миллионы народных масс. И ведь делали это не какие-то пришельцы, а свои же чиновники, еще не успевшие избавиться от партийных билетов.

Однажды одну из бесед на тему чести и справедливости он сопровождал примечательным комментарием о высокой морали простых людей, живущих своим трудом, и привел примеры из жизни рязанских знакомых, а потом вдруг оживился и вспомнил один эпизод, описанный Полем Лафаргом в книге воспоминаний о Марксе. Белые путешественники, посетившие один океанский остров, были тепло встречены аборигенами. В знак признательности гости подарили вождю племени одеяло. И он, как мудрый глава племени, не мог и не желал иметь в своей собственности вещей больше, чем у других членов племени, способных принизить его честность — он разрезал одеяло на мелкие ленточки как символ единства и общности племени, и каждый получил равную долю. Такой поступок достоин подражания и служит осуждением высоких меркантильных чиновников — виновников превращения России в одно из самых коррумпированных государств в мире.

Известны имена этих «высоких» чиновников, начисляющих себе «зарплату» по несколько десятков миллионов рублей в месяц и более. Народная хула и презрение сопровождают их убогую от излишеств жизнь. Но у этих «элитных» эгоистов нет будущего. Они уйдут в небытие, и имена их забудутся, сотрутся — человеческая память освобождает себя от груза нечестивых имен, сохраняя место для людей достойных.

Для Владимира Федоровича оставлено почетное место в человеческой памяти как человека высоких моральных принципов, ставших для него внутренним нравственным императивом — жить по совести, справедливости, устремлением к добру, испытывая чувство моральной ответственности за все, что происходит с

Рязанью, страной, миром. Эта всечеловечность — отличительная черта талантлив-
вого ученого, педагога В.Ф. Денисова.

А.Д. Шутов, профессор
Дипломатической академии МИД России,
доктор исторических наук, заслуженный деятель науки
Российской Федерации

Учитель! Перед именем твоим позволь смирненно преклонить колени!

*Студентки Владимира Федоровича Инна и Галина Манушкины были зна-
комы мне из рассказов отца. Обе впоследствии защитили диссертации, стали
кандидатами филологических наук, связали свою жизнь с преподаванием англий-
ского языка. Инна Петровна Савилова (Манушкина) возглавила кафедру англий-
ского языка факультета истории после Владимира Федоровича и руководила ею
в течение 10 лет. Сейчас Инна Петровна доцент кафедры русского и иностран-
ных языков Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища
имени генерала армии В.Ф. Маргелова. Галина Петровна Лошак (Манушкина) —
доцент кафедры иностранных языков Рязанского государственного агротехно-
логического университета имени П.А. Костычева. Вот как они вспоминают о
своем учителе.*

Эти слова Н.А. Некрасова, великого русского поэта, можно отнести к
нашему любимому учителю, наставнику и руководителю — кандидату филоло-
гических наук, доценту, Человеку с большой буквы, Денисову Владимиру Федо-
ровичу. Вспоминая те годы, когда мы учились у него, а потом работали на его
кафедре, хочется сказать словами известной песни: «Да разве сердце позабудет
того, кто делал нам добро?!». Забыть Владимира Федоровича невозможно. Пока
живы его друзья и ученики, пока они помнят его, он вместе с нами.

Моя сестра Галя и я имели счастье учиться у Владимира Федоровича, быть
его студентами и коллегами. С каким нетерпением мы ждали его лекций по тео-
ретической фонетике английского языка, не было равных ему и в практическом
владении английским языком. Он дал путевку в жизнь многим и многим студен-
там. Масштаб его личности, эрудиция, человеколюбие, чувство юмора всегда де-
лали его достойнейшим из достойных! Он был доступен и прост в общении, но
это была благородная простота, присущая лишь людям с большим интеллектом,
высокими духовными качествами и добрым сердцем. Все эти качества являли его
ученикам прекрасный образец для подражания. Владимир Федорович был очень
справедливым и мудрым человеком. За это его очень любили студенты и коллеги.
Под его руководством коллектив кафедры жил полнокровной творческой жиз-
нью. Это было незабываемое время!

Талантливый человек талантлив во всем. Владимир Федорович увлекался
спортом, сочинял стихи, был душой общества. У него была прекрасная семья:

жена Антонина Дмитриевна — учитель английского языка, заместитель директора средней школы № 14 города Рязани. Они вырастили замечательных детей и внуков, некоторые пошли по стопам родителей и добились больших успехов в избранной профессии.

Делая добро и помогая другим, Владимир Федорович мало заботился о собственном здоровье, не щадил себя. Со стороны казалось, что все дается ему легко, без напряжения, он был корректен и улыбчив, но, каких усилий ему это стоило, знали, наверное, только он сам и его жена Антонина Дмитриевна. Проблем и невзгод в их жизни было немало, что привело Владимира Федоровича на больницу койку. Но он нашел в себе силы вернуться к работе после инфаркта (а их потом было еще несколько), проработал несколько лет, преодолевая болезнь и стараясь быть полезным людям. Жизнь его оборвалась очень рано, но он жив в нашей памяти, он до сих пор с нами в делах и мыслях, в печалих и радостях. Да святится имя его сейчас и во веки вечные!

И.П. Савилова, Г.П. Лошак

Следующий отрывок — воспоминания Ларисы Леоновой (Люхиной), моей сверстницы, школьной ученицы моей мамы, студентки моего отца. Мы учились с ней в параллельных классах в школе, а затем одновременно в институте в 1971–1976 годах. Я — на инфаке, Лариса — на истфаке. Лариса Леонова — журналист, долгие годы работала на телевидении в городе Архангельске. Вернувшись в Рязань, с удовольствием вспоминает свою молодость, студенческие годы, своих учителей.

Из воспоминаний бывшей студентки

Когда-то, на одном из занятий по английскому языку в Рязанском педагогическом институте, в начале уже далеких 70-х годов, читая Хемингуэя, мы, студенты исторического факультета, узнали знаменитое изречение американского писателя о Париже — «праздник, который всегда с тобой». Эту фразу, как мне кажется, можно применить не только к городам, но и людям. Праздником для нас был преподаватель, учивший нас читать в оригинале не только Хемингуэя, но и Мозма, и Голсуорси, и многих других писателей, — Владимир Федорович Денисов. И я уверена, что это мнение разделят со мной все мои однокурсники.

Какое из качеств Владимира Федоровича поставить на первое место? «That ist he question». «Вот в чем вопрос...» И непростой. Скорее всего, это интеллигентность и высокая профессиональная культура. А может, все-таки необыкновенно обширные знания, которые выходили далеко за рамки его предмета. Или прекрасное, совершенное владение английским языком, отмеченное самими жителями Туманного Альбиона во время его пребывания в этой стране. «О, если бы и мы могли говорить так же, как вы, мы были бы счастливы», — восхищались они английской речью нашего преподавателя. Весело рассказывая об этом, сам Владимир Федорович, конечно же, не верил чопорно-вежливым англичанам. Я же думаю: напрасно не верил. Он был очень скромным, из числа тех, кто не обременяет себя лаврами, и тем более не почивает на них. Он просто был человеком, получившим

от судьбы счастливую возможность заниматься любимым делом, отдаваясь ему целиком и не испытывая пресыщения даже за долгие годы работы. За эти годы он так привязался душой к своей Alma mater, что признавался нам: «Когда мне бывает плохо, я просто иду в институт». Порой даже в воскресный день он поднимался по истертым ступенькам лестниц, гулял по тихим коридорам, заходил в пустые аудитории. И его грустные мысли растворялись в этих стенах. А может быть, он всегда скучал по работе? Видимо, он чувствовал какой-то особый дух, или, как бы сейчас сказали, ауру этого старинного здания, где, начиная с института благородных девиц, предпочтение всегда отдавалось хорошим знаниям, высоким манерам, добрым человеческим отношениям. Все это Владимир Федорович нес и в себе. Он был абсолютно русским человеком во всем, но, как и многие, кто отлично владеет языком другой страны, знает ее историю, культуру, традиции и особенности, в нем чувствовалось такое английское присутствие. Оно наполняло его, проявлялось в особых жестах, сдержанной улыбке и самой манере разговора. Было похоже, что он впитал в себя лучшие черты английского характера. С переходом на иностранную речь у него менялось и выражение лица, и тембр голоса. Кстати, впервые от него — большого специалиста в области фонетики, мы услышали, что тембр голоса очень многое может сказать об интеллекте человека. Ему, всегда терпеливому и тактичному, во многих щекотливых ситуациях помогало справиться своеобразное чувство юмора (я бы и здесь упомянула английское влияние). Как-то раз, обращаясь к одной студентке, довольно экстравагантного вида, который уж точно не соответствовал внешнему облику будущего учителя, обратив внимание на ее густую челку, закрывающую не только глаза, но и лицо, Владимир Федорович сказал: «Я никак не пойму, зачем вы прячете такой умный лоб». Или другой пример. Выражая недовольство ответом одной очень способной девушки и получив от нее за эту заслуженную критику обиженную резкую тираду, преподаватель Денисов, не повышая голоса произнес: «Любимова, если вы будете так себя вести, я буду вынужден подставить к вашей фамилии приставку НЕ». Соблюдая правильную дистанцию «преподаватель — студент», он умел оставаться простым и близким, понятным и доступным — с каким-то филигранным чувством меры во всем. На его занятиях никогда не было скучно, зато всегда интересно, легко и как-то по-особому уютно. Он прививал нам любовь к чтению не только советами умных, правильных книг, но и собственным примером. Его фраза «Если я ничего не прочитал сегодня, значит день прошел впустую» — стала для меня своего рода жизненной установкой.

Мое знакомство с В.Ф. Денисовым произошло очень рано, задолго до поступления в институт. С его дочерью Светланой я ходила в одну группу детского сада № 1. В 1950-е годы, когда выезд за границу для советского человека был равнозначен полету на Луну, папа Светы как раз тогда и побывал первый раз в Англии. Второй раз он там был в 1970-е, уже в мою студенческую юность. Я узнала об этом случайно, подслушав разговор нашей воспитательницы с нянечкой, которую та угостила английской конфетой, полученной от Светиной мамы. Тогда я услышала впервые и про Англию, и про за границу и, видимо, была так потрясена, что помню об этом до сих пор. Со Светой Денисовой мы потом учились в одной

школе с углубленным изучением английского языка в параллельных классах, а ее мама — Антонина Дмитриевна, жена Владимира Федоровича, человек редкой душевной доброты и большого сердца, была у меня классным руководителем.

С моим будущим институтским педагогом в те годы мы почти не встречались до самого моего поступления в вуз. По абсолютно случайному стечению обстоятельств экзамен у меня принимал Владимир Федорович в паре с Марией Давыдовой Фёдоровой. Ответила я неплохо, но все-таки, вероятно, ниже своих возможностей. Под нажимом Марии Давыдовны экзаменатор Денисов мне все-таки поставил пятерку, но подчеркнул, что моя школьная учительница, которую он хорошо знал, за такой ответ «отлично» не поставила бы. Впоследствии я, как могла, старалась отработать этот кредит доверия. Я очень хотела доказать Владимиру Федоровичу, что он не ошибся во мне. Всегда высоко ценила его мнение и очень радовалась, когда он меня хвалил. А однажды, довольный моим ответом, он даже произнес при всех незабываемую для меня фразу: «Говорите так, как Люхина». Чего стоила для меня, человека неуверенного в себе, эта фраза, пояснять я думаю излишне. Спасибо, Владимир Федорович, что повысили мою самооценку. И, конечно, за все остальное тоже...

За годы жизни мы встречаем на своем пути многих людей. Но сколько из них остаются с нами на всю жизнь, в наших воспоминаниях, в нас самих? Таких, думаю, можно сосчитать по пальцам. Уехав на долгие годы из Рязани в другой город, обретя новых друзей и знакомых, с течением времени невольно забывая лица многих людей из прошлого, я понимаю, что некоторые никуда не уходили, не растворялись даже спустя десятки лет. Владимир Федорович один из них. Преподаватель, который всегда со мной.

*Л.К. Леонова (Люхина),
студентка 1971–1976 гг.*

Воспоминания об учителе

Ольга Яковлевна Ярославцева многое повидала за свою жизнь: училась и работала на историческом факультете еще вместе с Владимиром Федоровичем, несколько лет жила и работала на Кубе, в Рязани успешно преподавала английский язык в лицее № 52, а сейчас преподает испанский и английский на кафедре, где мы теперь коллеги. Ее учил мой отец. И теперь мы перенимаем ее богатый преподавательский опыт.

Денисов Владимир Федорович был моим педагогом по английскому языку на факультете истории и английского языка с 1969 по 1971 год. Он только что защитил кандидатскую диссертацию по фонетике в Московском педагогическом институте и преподавал нам теоретическую фонетику.

С первой встречи он поразил меня своим мягким бархатным голосом, выразительной английской интонацией и божественным «королевским» произношением. Даже когда он сердился и начинал эмоционально быстро говорить, это все равно было изящно, красиво, по-джентельменски не обидно. Он был необыкновенно умным человеком, начитанным, эрудированным. То, что он знал, он передавал и нам — не поучая, не навязывая своего мнения и опыта, а просто раскрывая огромный мир лингвистического, литературного и художественного богатства, к которому сам был причастен. Он всегда нам говорил: «Никогда нельзя пытаться заставить человека выучить то или иное, надо просто создать такие условия для человека, чтобы он понял, что стыдно не знать или не уметь, если другие от вас этого ждут или рассчитывают на вас».

Его любимые писатели и драматурги — С. Моэм, О. Генри, Г. Грин, Дж. Конрад, Дж. Лондон, Б. Шоу — становились и нашими любимыми. Он обожал тонкую английскую шутку и рассказывал нам своим удивительным, только ему присущим голосом и интонацией свои любимые короткие рассказы и анекдоты. И мы всегда осознавали, что английский может быть еще и особым, изящным, емким, гениальным. Учитель находил такие слова, которые нас ставили в ситуацию, что надо много читать, слушать и смотреть, чтобы так образно и просто выражаться по-английски. Это тот случай, когда говорят: «Он учил нас мыслить по-английски».

В то «закрытое», в общем-то для нас время, он был первым, кто открыл нам мир Англии, Лондона, Оксфорда и таких знакомых нам традиций и обычаев этой страны, с которыми он познакомился в поездках по этой стране. Общение с Мастером приносило удовольствие, мотивировало на углубленное изучение языка и культуры, хотелось быть похожей на Него.

И потом, когда я позже попала в тот самый Московский педагогический институт, где учился в аспирантуре Владимир Фёдорович, к тому самому педагогу Л.И. Селяниной, которая руководила его научным исследованием, я поняла, как его там помнили и любили, я почувствовала огромную гордость за моего Учителя. Его светлый образ навсегда останется в памяти людей, которым он подарил частичку себя, своего таланта и души.

О.Я. Ярославцева,
выпускница истфака 1971 г.

Я помню...

Когда Владимир Федорович дома делился радостями и проблемами, с которыми он сталкивался на работе, руководя кафедрой, я хорошо запомнила два имени, которые он всегда с любовью и уважением упоминал: Ида Ивановна Нилова и Клавдия Тимофеевна Киселева. Две надежных и верных коллеги, красивые и умные женщины, которые так же, как он сам, были преданы делу преподавания, желанием работать, творить, учить... Ида Ивановна читала курс английской и аме-

риканской литературы, руководила кружком английского языка, проводила со студентами праздники и фонетические вечера на английском языке, традицию которых мы старались сохранить, когда я стала заместителем декана по воспитательной работе. Клавдия Тимофеевна читала курс лекций по методике обучения английскому языку в средней школе, который впоследствии стала читать я. Не забываю ее ценные советы по организации педагогической практики в школе, которой долго и успешно она руководила. Любимые коллеги отца стали для меня уважаемыми наставниками и коллегами по работе на кафедре.

1955-й год. 1 сентября. Практическое занятие по английскому языку в 5-й аудитории. Входит высокий молодой человек и представляется: «Владимир Федорович». Начинает говорить на английском языке. Чужой язык, но как красиво и мелодично звучит. Завороженные, слушаем мы нашего преподавателя. А потом работа над звуками, ритмом, интонацией. Но это продолжается только 3–4 дня, и мы уезжаем на сельскохозяйственные работы.

Колхоз. Чучковский район. Вместе с нами наш преподаватель. Трудное время, плохие бытовые условия. Иногда возникали неприятные разговоры с руководством колхоза, и Владимир Федорович становился на нашу сторону. Он не командовал, не приказывал, не поучал. Будучи тактичным человеком, обладая внутренней культурой, он умел находить общий язык и с председателем, и с бригадиром. К нам же он относился с уважением и пониманием.

После месяца работы в колхозе возвращаемся в институт. И снова звуки, слова, предложения, книги на английском языке. Все было интересно. Мы читали книги Марка Твена и Джека Лондона, Чарльза Диккенса и Майна Рида. Но Владимир Федорович не только учил нас английскому языку, он был и нашим воспитателем, куратором. До сих пор помню беседы об этикете и манерах, читали стихи А. Суркова, А. Твардовского, А. Пушкина, С. Есенина.

А как читал стихи Владимир Федорович! У него была великолепная дикция и голос настоящего оратора. Природа наградила его даром слова. Он был отличным рассказчиком с большим чувством юмора. Он много знал, любил поэзию, сам сочинял стихи. Но, будучи скромным человеком, он никогда не говорил об этом. Мы любили нашего преподавателя. Учебный год пролетел незаметно. На втором курсе у нас был уже другой преподаватель.

1962 год. Моя выпускница Таня Суснина хочет поступать на инфак, а поступает на факультет истории. С этого года факультет меняет профиль и готовит учителей истории и английского языка, истории и французского языка, истории и немецкого языка. Татьяна становится студенткой Владимира Федоровича. С каким восторгом отзывается она о нем как о преподавателе и о человеке, о его эрудиции, культуре. Студенты обожали Владимира Федоровича. Он в свою очередь с чувством юмора говорил, что «эти студенты заставляют его работать каждый день».

1965 год. Я работаю на кафедре. И опять рядом Владимир Федорович. Мы стали коллегами, но я всегда относилась к нему как к Учителю. В это время он

вел практические занятия по языку, читал курс теоретической фонетики на факультете иностранных языков и на факультете истории, учился заочно в аспирантуре. В начале 1970-х Владимир Федорович защитил диссертацию и стал кандидатом филологических наук. Но мне кажется, он мог бы стать доцентом и профессором без защиты диссертации. Владимир Фёдорович — прирожденный лингвист. Он мог также блестяще читать лекции и по языкознанию, и по лексикологии, и по теоретической грамматике. Ему все было по силам.

Талант его был многогранен: он и лингвист, и переводчик, и поэт, и рассказчик, и шахматист, и юморист. Увлекался футболом и рыбалкой.

Более 10 лет Владимир Федорович возглавлял кафедру английского языка на факультете истории. С большим уважением и тактом относился он к членам кафедры, и мы отвечали ему тем же. Кафедра работала с большим энтузиазмом. Тогда не было такой технической оснащенности, но каждый преподаватель старался работать добросовестно и честно. Лучшие наши студенты не уступали выпускникам инфака, а в чем-то и превосходили их.

Владимир Федорович — один из немногих, благодаря кому наша кафедра еще сохраняется на факультете. Это он вместе с Н.Г. Соколовым и Р.С. Розенбергом отстаивали право кафедры на существование. И отстояли. К нам приезжали преподаватели из Смоленска, Николаева, Ярославля. Мы выдержали не одну министерскую проверку. В этом заслуга и нашего тогдашнего заведующего кафедрой. Владимир Фёдорович был строгим и добрым, требовательным и понимающим, а главное, он был порядочнейшим человеком. Таким я его помню.

К.Т. Киселева,

преподаватель кафедры иностранных языков
факультета истории и международных отношений

Эпистолярный жанр не слишком популярен в наш век информационных технологий, и поэтому мне особенно дороги строки, с которыми Ида Ивановна Нилова обращается в своем письме в прошлое с присущим ей неординарным творческим подходом и, как всегда, с душой и тепло.

Письмо в прошлое

Дорогой Владимир Федорович!

То, что я скажу Вам сейчас, я должна была сказать при жизни. Но Вы и сейчас с нами.

Вы — Человек Ума, Чести и Совесть! Да, все слова с заглавной буквы. Вы добрый и неравнодушный. Вашего сердца не коснулась «остуда», как сказал А.С. Пушкин.

Вы умеете быть благодарным. Вспоминаю один эпизод. Первый день после каникул. На наш факультет с проверкой приехала комиссия из министерства. Вы подходите ко мне и говорите, что посоветовали проверяющей даме из Москвы посетить занятие в моей группе. Это была неплохая группа, но, к сожалению, несколько человек. наиболее успешно занимающихся, еще не вер-

нулись с каникул, среди них была и Лена Кирьянова, теперь профессор. Студенты были на высоте. После посещения занятия и беседы с проверяющей Вы подошли ко мне и сказали: «Благодарю Вас, Ида Ивановна!» Ваша благодарность дорогого стоит. Люди всегда должны быть благодарны за добрые дела. Спасибо Вам!

Вы всегда ценили тех, кто не щадил себя, целиком отдавался любимому делу. Вспоминаю, как однажды я не смогла выйти на работу — подскочило давление. Позвонила нашей лаборантке, и она, думая, что я уйду на больничный, тут же отнесла докладную в бухгалтерию. Вы узнали об этом, в ту же минуту спустились вниз и забрали докладную. Вы знали, что я не пойду на больничный. Спасибо Вам!

Вы могли быть резким и гневным. Вы честно говорили, что Вы человек и имеете право и гневаться, и подшучивать, и радоваться. Но Вы всегда были добрым, справедливым, искренним, беспристрастным и все понимающим. Спасибо Вам!

Вы талантливый Учитель, Педагог! Вы обладаете ценным качеством педагога — даром Слова, более того, даром сочинять стихи. Вспоминаю один эпизод. Со студентами я проводила Рождественский вечер на английском языке. Вечер назывался «Любовь! Любовь! Любовь!» — любовь к Матери, Родине, Другу. Вечер удался. В самом конце Вы подняли руку, встали и попросили слова. И вот, что Вы сказали:

Нам немного отпущено Богом,
Не минуты — секунды храни!
Мы надолго, надолго запомним
Ваш чудесный концерт о любви.

Я попросила Вас записать эти слова, что Вы и сделали. Я до сих пор храню их в альбоме с текстом этого вечера. Спасибо Вам!

Есть замечательная книга на английском языке «Вверх по бегущей вниз лестнице» Белл Кауфман. Это книга о молодой учительнице английского языка в американской школе. Она повесила в классе ящичек и назвала «Ящик предложений». Дети могли туда опускать письма, записки обо всем. Одна девочка написала этой учительнице письмо-характеристику по разделам:

- I. Достоинства (перечислила их).
- II. Недостатки — прочерк.
- III. Предложения — Побольше таких, как ВЫ!

Я повторяю за этой девочкой: «Побольше таких, как Вы!»

Когда я хожу поклониться моей маме, я всегда захожу к Вам и кланяюсь Вашим родителям, Вам, Вашей доброй, любимой Вами жене — Антонине Дмитриевне. Я склоняю голову перед Вами.

Только Вы, и никто другой, могли поцеловать руку, поздравляя с днем рождения. Я до сих пор храню Ваши поздравления с юбилейным днем рождения Вашей преданной коллеги.

С уважением и любовью,

И.И. Нилова

У Владимира Федоровича было очень много друзей: сокурсников, рыбаков, шахматистов, болельщиков, просто умных, начитанных людей. Наш дом был открыт и в праздники, и в будни, в нем собирались приятные, интересные люди. Иных уж нет, а те далече. Тем приятнее читать воспоминания тех, кто хранит память о моем отце. Леонид Васильевич Чекурин — современник моих родителей, прекрасный, интеллигентный человек, своей внешностью немного напоминающий мне отца: умный, несколько ироничный взгляд из-под очков. Может, эта похожесть — признак времени или принадлежности к преподавательскому гуманитарному сообществу?!

Воспоминания единомышленника

Мы были знакомы с Владимиром Федоровичем задолго до того, как нас объединил исторический факультет. Он всегда был и остается в нашей памяти интеллигентным, мягким, удивительно доброжелательным человеком, нежным супругом и заботливым отцом и дедом. Мы хорошо знали его жену Антонину Дмитриевну, дочь и сына, а позднее и его очаровательных внушек. У нас были общие знакомые, которые отличались творческой искоркой и имели свои взгляды на многие стороны тогдашней жизни. Среди них выделялись Володя Руделев, Анатолий Самошин, дружная семья Кочетковых, среди которых были выпускник Московского университета Валентин Прокопьевич Кочетков, его сестры Нина — выпускница Московского института культуры, и Галя — выпускница математического факультета. Мы помним и их родителей — Прокопа Васильевича Кочеткова, легендарного руководителя огромной стройки с народным названием «золотое кольцо» — сети дорог, которая соединила все районы в Рязанской области. Благодаря этой семье я и познакомился с Владимиром Федоровичем. Все они были страстными библиоманами. Мы не только жили «по соседству», но нас объединяла классическая и особенно современная литература. Мне жаль моих студентов, которые не переболели эпидемией русской журналистики.

Это ведь в наше молодое время, чтобы подписаться на собрания сочинений русских классиков, нужно было становиться в магазине «Книги» на улице Подбельского (теперь Почтовая) в очередь с ночи, в более позднее время записываться в очередь на прочтение журналов Анатолия Рыбакова «Знамя», Александра Твардовского «Новый мир», ну и конечно, популярную «Иностранку» (журнал «Иностранная литература»). Вот здесь консультантом и выступал единственный среди нас свободно владеющий английским языком Владимир Федорович. Ему были доступны иные источники, и его интерес к зарубежной литературе подогревался его преподавательским долгом глубоко знать английскую литературу. Наши квартиры, и без того тесные, вмещали тысячи книг, и мы до сих пор не можем с ними расстаться. Мы воспитаны этим громадным богатством России

— великой литературой. Поэтому нам понятны христианские ценности и мировая культура. За это мы благодарны нашим талантливым, равнодушным к нашей жизни школьным и вузовским педагогам Раисе Александровне Фридман и Павлу Александровичу и Тамаре Вениаминовне Орловым. Их лекции были, может быть, главным нашим университетом. Они не все могли в то время произнести вслух на лекции или в беседах со студентами. В учебных программах был, например, пропущен Сергей Есенин. Но наши педагоги не разрешали нам не читать. Знакомство с каждым (а не на выбор) романом Толстого, Достоевского, Вольтера, Жорж Санд (которую мы тогда не понимали, но «Консуэлу» прочли), Гюго, Диккенса, Бальзака было обязательным для успешного обучения. Мы читали по тысяче страниц в сутки, забирая для этого значительную часть ночи. Чтобы научить студентов читать, административных мер недо-статочно. Нужно было пробудить интерес к писателям и их творчеству. Наши педагоги это сделали. Спасибо им за это.

Владимир Федорович сохранил эту традицию. Мы и тогда пытались не только читать, но и рассказывать о многом. Пытались ставить на институтской сцене классику, в том числе и советскую, сочиняли свои спектакли и показывали их на институтской сцене. Литературный талант и мягкий юмор Владимира Федоровича очень помогал в этих студенческих спектаклях, в которых он и сам играл важные роли. Институтские спектакли были событиями в студенческой жизни, на них трудно было попасть, зал был всегда переполнен, аплодисменты нескончаемы. Среди героев того времени остались в памяти Владимир Денисов, Игорь Гаврилов, Анатолий Самошин. Руководителем тогдашнего студенческого театра был заслуженный деятель искусств Владимир Алексеевич Орлов, который в свое время был знаком с Маяковским, учился у Эйзенштейна и даже преподавал одно время в театральной студии Аркадия Райкина, во время Великой Отечественной войны прошел по многим фронтам в составе фронтовых бригад. И своих знаний, своего режиссерского мастерства и времени для студентов не жалел. В литературу вошел спектакль В. Гусева «Весна в Москве», в котором главные роли исполняли Евгений Осипов, Володя Руделев и Владимир Денисов. Не помню, был ли Владимир Денисов в студенческом капустнике под названием «На поле, на свекольном» действующим актером, но то, что ежегодная работа на картофельных полях составляла часть его жизни, было реальным фактом. И там характер преподавателя В.Ф. Денисова, чувство долга, забота о студентах, их питании и безопасности спасли от тяжелых болезней, душевных и физических травм не одну студенческую группу.

Это было не только испытанием, но и хорошей школой трудового обучения для многих студентов. Для педагога все важно: его начитанность, преданность своей науке, трудолюбие. И все это у В.Ф. Денисова было. Однако в этих сложных колхозных буднях выручала его не только привычка к ежедневному труду, но и близость к природе. Я приближаюсь к одному увлечению нашего поколения, напрочь лишенного турпоездок в Египет или на Крит. У каждого поколения свои радости. Для нас, жителей речной и озерной Рязанщины, радостью была рыбалка. Владимир Федорович был непревзойденным мастером рязанской рыбалки, требующей физической выносливости, наблюдательности, терпения. Жизнь рыбака

делится на две части: до поимки килограммовой щуки или двухкилограммового леща и после. Первую половину жизни он ждет рыбацкой удачи, вторую половину жизни вспоминает о ней. Он всегда больше всех нас ловил рыбы, даже там, где она вообще не ловилась. Боялся только обловить Игоря Николаевича Гаврилова. Тот, прирожденный лидер, не мог простить того, чтобы кто-то его в чем-то, в том числе и рыбалке, обошел.

Рыбалка в наши годы была не просто развлечением или, не дай бог, промыслом. Она была творческим делом, и тот, кто достигал в этом деле высот, имел среди нас большой авторитет. Я не открою тайны, если скажу, что в наше время (1960–1980-е годы) рыбацкое сообщество было еще формой и неформального общения. В числе компании, которая еженедельно выезжала на зимнюю рыбалку, были очень интересные и творческие люди. Думаю, что по количеству написанных ими книг, статей это сообщество могло превзойти любую организацию, даже членов бюро горкома или обкома. Посудите сами. Среди выезжающих в воскресное предзакатное утро были: проректор по науке РГПИ, физик Виктор Петрович Орехов; профессор, доктор медицинских наук Игорь Михайлович Миров; известный литературовед Игорь Николаевич Гаврилов; серьезный искусствовед Института культуры Станислав Ибрагимович Урманов; наш однокашник поэт Сергей Иванович Фирсов; директор музыкального училища Александр Федорович Грушин; главный врач рязанской «Скорой помощи» Владимир Емельянович Кузин (уникальный мастер зимней рыбалки). Многих из этой компании уже нет с нами. Но тогда, несмотря на наши сердечные недуги, мы с И.М. Мировым и В.Е. Кузиным не боялись углубляться в дебри рязанских заповедников. Прекрасные знатоки рязанских водоемов, они одновременно были и медицинской гарантией. Хотя я пишу это задним числом, об опасностях мы не очень задумывались.

Владимир Федорович Денисов с его уникальными знаниями был своим в этой компании. Звали его почему-то Present Continuous, и его мнение по международным делам было очень существенным, если не решающим. Он часто приостанавливал наши споры какими-то фактами, которых мы не знали. Ему были доступны английские газеты и радиопередачи. К нему обращались по очень многим вопросам даже преподаватели из других рязанских вузов.

В названные годы присоединился к этой компании и я. Выдавать рыбацкие секреты я не собираюсь. Путь этой компании до устья Пры, речки Рановы, устья Прони, различных окских заливов, Казарского озера, Великого озера был весьма продолжителен. За время пути рассказывались свежие анекдоты, делились прочитанными книжными новинками, хорошими и плохими (были и такие) делами в своих вузах. Нам не нужно было «Эстафеты новостей», тогдашней телевизионной передачи. О том, что делается в Рязани и во всем мире, мы знали из уст глубоких специалистов, доверяющих друг другу. Каждый из нас был в той или иной степени носителем оригинальной информации.

Последний раз мы все вместе с В.Ф. Денисовым ловили рыбу на прекрасном Казарском озере. Он не ходил с нами в далекие заливы этого огромного и красивейшего озера. Оставался, как только можно было сойти на лед. Но при этом не

уступал наиболее удачливым рыболовам. Мне вспомнилась эта не очень удачная рыбалка при последующей нашей встрече в больнице.

У нас были одинаковые сердечные недуги. Владимир Федорович уже перенес инфаркт, а меня он еще ожидал. Я знал, что такое инфаркт, ибо родился в семье медиков, отец был профессором и доктором медицинских наук. Он был оториноларингологом и хирургом, и как хирург был недолгожителем, умер от четвертого инфаркта. Что мне предстоит тоже пережить эту болезнь, я, конечно, не знал. Это случилось в декабре 1984 года. Благодаря И.Н. Мирову и В.Е. Кузину, меня поместили в реанимационное отделение 2-й больницы на улице Дзержинского. Тем я и спасся. На второй или третий день в палату реанимации ввели нового больного. Реанимационная палата так устроена, что больные не видят друг друга. И вот из-за угла знакомый голос: «Не волнуйся, Чекурин, и особо не переживай, все равно не клюет». Так мог сказать только Владимир Федорович, и он знал, что я уже в этой палате. Мы рассмеялись. Это в палате, где нельзя не только вставать, но и шевелиться, разговаривать. Я понял, что мы будем жить. Так оно и оказалось. Мы еще не раз были после выздоровления на зимней рыбалке, и опять не клевало. Но нас это не огорчало.

Говорят, что эта наша болезнь вовсе не болезнь, а факт биографии. Нам пришлось изменить образ жизни: очень много гулять и отказаться от некоторых привычек, в том числе и от сигарет. После инфаркта мы проработали немало лет и постарались, изменив образ жизни, не измениться сами. Не знаю, как у меня (не мне судить), у Владимира Федоровича это получилось. Его также любили студенты и друзья и уважали коллеги. Он успел сделать еще много добрых дел и остался в нашей памяти. Мы преодолевали все эти трудности с помощью наших любящих жен. К нам ежедневно в больницу приходили Светлана Владимировна, моя жена, и Антонина Дмитриевна, жена Владимира Федоровича. Они, созвонившись, согласовав визиты, могли иногда приходиться через день. Мне хочется поклониться им особо. Вдруг оказавшись супругами недавно самостоятельных мужей, в одночасье ставших беззащитными и малоподвижными, они не потеряли присутствия духа. Их заботы нас вылечили и подняли на ноги.

Мы несколько месяцев после больницы созванивались с Владимиром Федоровичем, выхаживали, тренируя свои порванные и срастающиеся сердечные мышцы, преодолевая многие километры, не менее 10 ежедневно. Я уверен, что именно общение с ровным и мягким, спокойным и мудрым Владимиром Федоровичем (он был немного старше меня), помогло мне выстоять, выдержать это испытание и вернуться к вполне нормальной жизни. Врачи нам обоим запрещали разговаривать о своих болезнях, советовали думать о самом дорогом для нас — о любимых женщинах и о природе, что мы и делали. Радостными были приходы внучки Владимира Федоровича — ослепительно красивой пятилетней Наташи в нашу палату, она с помощью родителей и бабушки специально и очень тщательно одевалась. Мы им все были благодарны. Ее появление было как солнышко тяжелой зимой. Помнили мы всегда и наших врачей, заведующую отделением Людмилу Афанасьевну.

Пролежав вместе два месяца, мы надолго расстались, судьба нас разделила. Меня отвезли в Солотчу, а Владимира Федоровича в спецполиклинику, где он простудился. Вернувшись из своих мест лечения, мы вновь стали чуть ли не ежедневно встречаться на прогулках, где, конечно, вспоминали совместную работу в университете. Я в это время работал уже в институте культуры.

Владимир Федорович вместе Рудольфом Самойловичем Розенбергом был создателем и организатором совершенно новой по своему качеству специальности в Рязанском педагогическом институте, ныне классическом университете. Все это было важной, если не главной частью нашей тогдашней жизни. В эпоху Н.С. Хрущёва исторический факультет несколько раз преобразовывался и был нестабильным. Это было трудным испытанием и для студентов, и для преподавателей. Во время моей учебы на историческом факультете историков объединили с факультетом русского языка и литературы. Мы благодарны судьбе, что получили широкую гуманитарную подготовку. Среди предметов был и старославянский, и языкознание, и, конечно, современный русский язык, который нам бесподобно, даже искрометно читал Василий Михайлович Никитин. В позднехрущевское время решили готовить преподавателей разных предметов: учителей математики, химии, и даже истории, преподающих свой предмет на французском, немецком и английском. В отношении некоторых студентов это оказалось очень интересным. Например, такие талантливые студенты, как А.Д. Канунников, В.В. Коростылев, Ю.И. Лосев работали во франко- и англоязычных странах и много полезного сделали в России, возглавляя народное образование и учреждения культуры. Но в жизни преподаватели физики или математики на иностранном языке спроса не имели. Через некоторое время исторический факультет вновь стал проблемным. Не знаю, кому пришла в голову мысль учить студентов на этом факультете сразу двум специальностям: истории и английскому языку. И эта специальность оказалась востребованной. На моей кафедре Рязанского института культуры историю и английский язык очень хорошо преподают выпускники этого факультета, кандидаты наук В.А. Толстов и В.В. Сизых. Востребованы его выпускники в малокомплектных сельских школах, в учреждениях культуры, в знаменитых музеях, в гуманитарных московских научно-исследовательских институтах, они быстро защищают кандидатские диссертации и т. д. На этом факультете я проработал более двенадцати лет. Всякое было за это время. Помню переживания в связи с запретом властей проводить в институте выпускные вечера. Какой-то недоброжелатель подсчитал, сколько разбили на очередном выпускном вечере тарелок и фужеров. Студенты все-таки наметили и на этот раз провести выпускной вечер в кафе «Мещера». Что делать преподавателям? Запрет был доведен до нас в очень жесткой форме. Мне было особенно сложно. В это время я был партгором института. Но одновременно был и преподавателем. И вот мы — декан Рудольф Самойлович, заведующий кафедрой Владимир Федорович и я — решаем как быть. Выходит, студенты будут там одни, в большинстве девчонки. Ночной город — все может случиться. Решили пойти вместе со студентами, а там будь что будет. В «Мещере», как полагается, было все: и тосты, и танцы. Закончили в 23 часа. Затем вместе со студентами отправились на набережную. По традиции

исторического факультета подошли к могиле Якова Полонского. Под гитару спели романс «Мой костер в тумане светит». Настроению расставания надолго и надежды на встречу очень хорошо отвечали строчки поэта. Еще прошлись под липами набережной, где сейчас памятник Сергею Есенину. Перепели все студенческие и модные в то время песни. В их числе гимн исторического факультета, который помню до сих пор. Даже выпившие студенты пришли в норму. С последними троллейбусами разбегались по домам. Все закончилось благополучно. Мы, кажется, тогда поняли: детей бросать нельзя. Так и поступили. Строительство коммунизма не приостановилось.

Владимир Федорович долгое время плодотворно работал заведующим кафедрой английского языка. Вместе с ним трудилась автор учебника по английскому языку Ида Ивановна Нилова (некоторое время она работала в Институте культуры), Клавдия Тимофеевна Киселева, Лариса Петровна Кириллова, Лев Николаевич Кашинцев. У каждого из них были самые хорошие отношения с заведующим кафедрой, человеком исключительно интеллигентным, глубоко знающим предмет и отдающим все свои силы, знания и опыт студентам и молодым преподавателям, которые с ним работали.

Прошло много времени со дня моего перевода в другой вуз, но мы, работавшие тогда на факультете, встречаемся и всегда с какой-то особой теплотой и добрым словом вспоминаем Владимира Федоровича. Преподаватели кафедры английского языка своим профессионализмом, своей требовательностью и любовью к студентам добивались, казалось бы, невозможного. Школьная подготовка часто была нулевой. Из сельских школ принимались абитуриенты, которые изучали немецкий язык. Во многом благодаря педагогическому таланту и всечеловечности Владимира Федоровича, ему и его коллегам преподавание английского языка удалось поставить на современный уровень, который продолжает кафедра и в настоящее время. На этой кафедре работает его дочь Светлана Владимировна Сомова. Наш институт закончили два его внука Михаил и Александр. Один — по специальности «История и английский язык», другой — «Информатика и английский язык». На факультете истории училась и работает его младшая внучка, дочь его сына Виктора — Галина. Я считаю вуз, в который отдают своих детей и внуков родители и деды, вузом, заслуживающим доверия и внимания, очень хорошим вузом.

Три поколения, целая династия педагогов Денисовых беззаветно служит российскому образованию и культуре. Это воздаяние старшему поколению за достойную жизнь и верное служение России.

Л.В. Чекурин, профессор
Рязанского заочного института (филиал)
Московского государственного университета
культуры и искусств, ноябрь 2008

Эти воспоминания не только о Владимире Федоровиче, не только об отце, преподавателе, друге, коллеге. Это дань времени, неповторимому, счастливому и трудному. Читая, мы чувствуем и характер авторов этих удивительных строк, людей

неравнодушных, открытых, думающих, сомневающих и размышляющих. Несмотря на все жизненные трудности, которые выпали на поколение моих родителей, я думаю, отец был счастлив в окружении семьи, любимой работы и множества преданных друзей, единомышленников, коллег, учеников. Да святится имя твое!

S.V. Somova

WHILE I REMEMBER, I LIVE (V.F. DENISOV)

The article “Memories Live on” devoted to 100-th anniversary of Ryazan State University named after S. Esenin includes recollections of V.F. Denisov’s (1929–1994) friends, colleagues and former students. V.F. Denisov, Doctor of Philology, Associate Professor headed the English Chair at the Faculty of History and worked at the University more than 40 years running. In the memoirs of people who were close to him during his life he is described as an intelligent person, scientist, lecturer, poetry lover, sportsman, and a man of honour. Memoirs are written by his friends: Professor of Diplomatic Academy, Doctor of History A.D. Shutov, Professor of Ryazan Institute of Moscow University of Culture L.V. Chekurin, colleagues from the English Chair: K.T. Kiselyova and I.I. Nilova, his students and later colleagues: Doctors of Philology I.P. Savilova and G.P. Loshak, teacher of English O. Yaroslavtseva, former student L.K. Leonova. Paying tribute to the people who contributed to the development of the University the authors remember with gratitude V.F. Denisov’s lectures on the Theory of Phonetics, his English classes and warm-hearted communication with the friend, colleague and teacher.

Denisov V.F., 100-th anniversary of Ryazan State University named after S. Esenin, memoirs, Chair of Foreign Languages of the Faculty of History, teaching English as a foreign language, Theory of Phonetics.